

Юлия Фадеева

Юлия Фадеева

Тепло. Том 1

«Автор»

2026

Фадеева Ю.

Тепло. Том 1 / Ю. Фадеева — «Автор», 2026

Есть города, которые не хотят, чтобы в них жили. Трей — один из них. Его улицы помнят крики, которых никто не слышал, и снег здесь падает как пепел. Маркус Славинов — живой труп, прячущий лицо под маской. Он не помнит, когда перестал хотеть жить. Но кто-то помнит его. Кто-то вплетает его в узор из крови и огня, оставляя единственным выжившим в трёх катастрофах. Когда Маркус связывает названия мест красными нитями, он видит своё имя — Тепло. И тогда к нему приходит бог страданий Стор, и открывает правду: он не жертва, не случайность, а трещина в стене миров. Но чтобы стать ключом, он должен пройти через семь оставшихся богов. Или сломаться. Первый шаг сделан. Осталось семь.

© Фадеева Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Не больно	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Юлия Фадеева

Тепло. Том 1

Том 1 из 8

Город Трей, его жители и всё, что в нём происходит, — порождение теней, которые живут в воображении автора. Любое сходство с реальными людьми, местами или событиями — лишь игра случая, такая же холодная и бессмысленная, как снег, падающий на мёртвый асфальт.

Пролог

Снег в Трее никогда не падал красиво. Он падал тяжело, мокро, серыми комьями, будто само небо хотело засыпать этот город и забыть о нём навсегда. Заправка на въезде называлась «Терминал Еды». Название, над которым когда-то смеялись дальнбойщики, теперь звучало как приговор. Маркус стоял в тесной хладокамере маркета, он ещё не знал, что мир за стеной изменился.

Сначала была только вспышка. Ослепительно-белая, через щели двери хладокамеры луч ворвался так остро и сильно, что я подумал о лазере, который режет камни. Я увидел её даже сквозь закрытые веки. А потом пришёл жар. Густой, плотный, почти ласковый. Жар, который я знал лучше, чем собственное имя. Жар, который я носил в себе с одиннадцати лет, когда мою кожу вдавили в раскалённый чугун.

Маркус упал спиной на мешки с солью. Маска с надписью «ТЕПЛО» осталась на лице. Она всегда оставалась. Даже когда под ней горела живая плоть.

Я не кричал.

Я уже давно разучился кричать.

Глава 1. Не больно

Я не слышал, как открылась дверь подвала. Петли были смазаны маслом ещё в прошлом веке, или же тот, кто вошёл, двигался с пугающей, хищной грацией, которой нет у обычных людей. Не услышал шагов. Только вдруг тяжёлая ладонь в кожаной перчатке зажала мне рот, вдавливая губы в зубы до хруста, до солёного привкуса крови, а колено с силой вдавило в рёбра так, что воздух вышел из лёгких одним резким, свистящим хрипом. Меня прижали лицом к холодному, шершавому бетону. Маска съехала набок, обнажая один глаз, край шрама, но не слетела полностью. Я почувствовал запах табака, дорогого одеколона и... озона? Как перед грозой. Как в воздухе после удара молнии. Горячее дыхание обожгло ухо, и голос, низкий, хриплый, почти лишённый человеческой интонации, произнёс всего две фразы:

— Не сдавайся. Ещё не время.

И всё. Рука убралась так же внезапно, как и появилась. Дверь хлопнула. Шаги быстро удалились вверх по деревянной лестнице. Скрипнула входная дверь наверху. Тишина вернулась, но теперь она звенела от напряжения, как натянутая струна, готовая лопнуть.

Я остался лежать на полу, пытаюсь вдохнуть. Каждое движение давалось с трудом, рёбра ныли тупой, пульсирующей болью. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из грудной клетки и убежать без меня. Во рту был металлический привкус крови и горечь пыли. Я медленно, опираясь руками о пол, сел. Пальцы дрожали. Я поправил маску, ударил себя по груди и наконец вдохнул полной грудью. Воздух обжёг лёгкие, и я закашлялся, согнувшись пополам. Слёзы выступили на глазах — не от боли, от унижения. От того, что меня, взрослого мужчину, так легко повалили, словно мешок с мусором. Что я даже не сопротивлялся. Что я не смог.

Мои глаза уставились в темноту лестничного проёма. Вот так всё и началось. Или продолжилось. Грань между началом конца и концом начала в Трее всегда размыта. Я уже не понимал, где я нахожусь в этой истории. И главное — кто я в ней: жертва, свидетель или будущий труп, о котором никто не вспомнит.

Я сидел на продавленном матрасе в подвале у пожилой пары Маккей. Пять монет в неделю. Самая дешёвая крыша над головой во всём Трее, если не считать картонных коробок за мусорными баками супермаркета «Шопп». Здесь пахло плесенью, старой гнилью, которая источала приторно-прелый дух, поднимающийся из трещин бетонного пола. Запах стоячей воды и забытых вещей. Запах поражения. Я привык. Привык ко всему: к стуже, проникающей сквозь подошвы ботинок, к стуку труб, похожих на кашель умирающего старика, к тишине, которая здесь была громче крика.

Моё лицо — это маска. Чёрная, самодельная, сшитая из старой лыжной шапки и кусков грубой ткани, найденных на свалке текстильной фабрики. На лбу жёлтыми, неровными буквами, краской из баллончика, выведено слово: ТЕПЛО. Я никогда не снимал маску на людях. Под ней — то, что осталось от моего лица после интерната. После чугунных батарей. Шрамы стягивали кожу, делая каждый кусок лица гримасой боли, которую я не хотел показывать миру. Маска была щитом. Она превращала меня из человека в вещь. А вещам не больно. Вещам не страшно. Вещи не ждут, что их полюбят.

Тогда, в тот вечер, я просто сидел и смотрел в одну точку на стене, где от сырости расплзлось тёмное пятно, напоминающее карту неизвестной страны. Я часто смотрел на него. Вглядывался в очертания, придумывал названия городам, которые никогда не посетю, рекам, в которых никогда не искупаюсь. Это был мой единственный способ путешествовать. Двадцать три года. Ни работы, которая бы приносила смысл. Ни цели. Ни будущего. Я просто плыл по течению жизни, как мусор в канализационном стоке. Куда повернёт поток — туда и плыву. Так проще. Так безопаснее.

Выбор требует ответственности, а ответственность требует сил, которых у меня не было. Я исчерпал свой лимит на страдания ещё в детстве. Теперь я просто существовал. Ждал. Неизвестно чего. Может быть, смерти. Может быть, чуда. Но чудеса, как я знал, случаются только с теми, кто в них верит, а моя вера сгорела вместе с кожей на левой щеке.

И вот после нападения, лёжа на холодном полу, я закрыл глаза, и в темноте, как на старой плёнке, проявились картинки — не серые и мокрые, как нынешняя жизнь, а яркие, почти болезненные. Я перенёсся в своё детство, в Финляндию, в деревушку у самого леса, где мы жили до того, как всё рухнуло.

Наш дом стоял на краю посёлка, среди берёз и сосен, которые росли так близко, что ветви касались окон. Отец построил его сам — из толстых брёвен, которые обтёсывал в своей мастерской, пахнувшей смолой и опилками. Он был плотником, финном с канадскими корнями, грубым, молчаливым, с руками в вечных мозолях и шрамах от стамески. Он редко улыбался, но когда он брался за дерево, его лицо становилось почти нежным — он вырезал фигурки зверей, птиц, иногда людей, и дарил их соседям на праздники.

Мать была совсем другой. Высокая, светловолосая, с твёрдым взглядом голубых глаз, она управляла небольшим хозяйством: держала кур, коз, выращивала овощи в теплице, которую сама же и построила. Она говорила с нами по-фински, с певучим акцентом, и часто напевала старые руны, которых я не понимал, но которые заставляли мою кожу покрываться мурашками. В её голосе жила древняя сила, которую я чувствовал, но не мог назвать.

У нас было трое детей. Старший Стенк — крепкий, шумный, любивший дразнить младших. И мы — близнецы. Я, Маркус, и мой брат Ларкус.

Мы родились с разницей в семь минут. Ларкус — первым, громко закричавшим, сжавшим кулачки так, что мать потом шутила: «Этот будет бойцом». Я родился тихим, с большими глазами, которые сразу же начали следить за каждым движением в комнате, как будто я уже знал, что мир — это не игрушка, а загадка, которую нужно разгадать.

Все любили Ларкуса. Он улыбался открыто, звонко смеялся, легко находил друзей и всегда был в центре внимания. Он был тем, кого мать целовала в макушку, когда тот приносил ей полевые цветы. Тем, кому отец разрешал трогать свои столярные инструменты — «Осторожно, сынок, не поранься». Тем, кого соседи хвалили за послушание и добрый нрав.

А я был «другим». Я молчал. Я смотрел. Я видел то, чего не видели другие. Когда Стенк разбивал чашку, я знал, что он сделал это нарочно, чтобы отвлечь внимание от своей провинности. Когда мать плакала по ночам, я слышал её тихие молитвы на непонятном языке, похожие на заклинания. Когда в лесу, сразу за нашим огородом, пропадали кошки и собаки, я знал, куда они уходят, — я видел следы крови на мху, но никто мне не верил.

Ларкус был моим зеркальным отражением. Те же рыжие волосы, тот же разрез глаз, те же веснушки. Но в его глазах всегда плескался свет, а в моих — тень. Мы были неразлучны, но я всегда чувствовал, что за его улыбкой кроется что-то холодное. Иногда, когда он думал, что я не смотрю, его лицо становилось пустым, как маска, и в этом безмолвии я угадывал чужую волю.

Наш дом стоял на краю деревни, которую местные называли «Метсякюля» — Лесная Деревня. С одной стороны — поля, засеянные овсом и ячменём, с другой — вековой бор, чьи сосны уходили корнями в каменистую землю и поднимались к небу, будто пальцы гигантов. В том лесу водились олени, зайцы, рыси, а ещё, как говорила бабушка, — нечисть, которую не видят люди, но которая видит их.

Бабушка Элиса, мать моей матери, жила в маленькой избушке на отшибе, почти у самой чащи. Она была старой, сгорбленной, с лицом, изрезанным морщинами, как кора старой берёзы. Её глаза были цвета болотной воды, и когда она смотрела на тебя, казалось, что она видит не только твоё тело, но и то, что у тебя внутри.

— Маркус, — говорила она, когда я прибежал к ней, чтобы спрятаться от Ларкуса, который дразнил меня на кухне, — твой брат носит маску. Но ты знаешь, что под ней. Ты видишь. Ты всегда видел. Никому не говори, что ты видишь. Даже матери.

Я кивал, хотя не до конца понимал, о чём она. Она давала мне леденцы из берёзового сока и рассказывала истории о древних духах леса — хийси, которые шутили с путниками, и о ваки, которые крали младенцев из колыбелей. А ещё она говорила о том, что в нашей семье есть кровь «ноида» — шамана, который может видеть прошлое и будущее. Её мать, моя прабабка, была такой. И моя мать, Илма, унаследовала этот дар, хотя старалась его подавить.

— Она боится, — шептала бабушка. — Она хочет быть обычной. Но ты, Маркус... ты не боишься. Ты принимаешь.

Я принимал? Я не знал. Я просто смотрел и молчал.

В один из летних вечеров, когда солнце почти не садилось — белые ночи Финляндии — я возвращался от бабушки через лес. Было душно, пахло хвоей и влажной землёй. Я шёл по тропинке, усыпанной сухой сосновой иголкой, и вдруг услышал голос Ларкуса. Он доносился из чащи, где старые ели росли так тесно, что между ними почти не проходил свет.

Я остановился. Сердце забилося быстрее. Почему он здесь? Он должен быть дома, ужинать с отцом.

Я бесшумно шагнул в сторону, прячась за толстым стволом, и выглянул. Ларкус стоял на коленях у большого плоского камня, поросшего мхом — не алтаря, а просто природного валуна. Перед ним лежала убитая птица — чёрный дрозд, голова которого была странно повернута, а крылья раскинуты, словно в молитве. Вокруг камня были разложены мелкие вещи: перья, обломки костей, чёрные свечи, которые Ларкус зажигал одну за другой, несмотря на ветер.

Я затаил дыхание. Ларкус что-то шептал — не по-фински, не на человеческом языке вообще. Его голос был низким, гортанным, и в нём звучали те же обертоны, которые я потом услышу в голосе СТОРа, спустя годы. Он взял камень и размозжил голову дрозда. Кровь брызнула на мох, и я почувствовал запах — тот самый, удушливый, приторный, который я потом запомню как запах смерти.

Ларкус поднял голову и улыбнулся. Не той своей солнечной улыбкой, а другой — тёмной, звериной. Он посмотрел прямо на меня. Он знал, что я здесь.

— Маркус, — сказал он мягко, почти ласково, — ты всё видел? Не бойся. Это просто игра. Игра с кровью. Хочешь научиться? Это весело.

Я попятился, споткнулся о корень и упал, разодрав ладонь. Я вскочил и побежал домой, не оглядываясь. За спиной я слышал его тихий смех.

На следующее утро отец нашёл убитого кролика на крыльце. Горло было перерезано, а тушка лежала на старом деревянном столе, где мы обычно чистили рыбу. Кровь засохла, привлекая мух.

— Кто это сделал? — спросил отец, и в его голосе звенела ярость.

Стенк пожал плечами. Мать молчала, глядя на меня. Ларкус сидел за столом, спокойно доедал кашу и смотрел на меня своими светлыми глазами.

— Это Маркус, — сказал Ларкус, и его голос был таким же беззаботным, как всегда. — Я видел, как он вышел ночью. Он часто так делает. Играет с животными.

Я хотел закричать «это ложь!», но слова застряли в горле. Я посмотрел на мать. Она отвела взгляд. Отец схватил меня за плечо и встряхнул так, что у меня застучали зубы.

— Ты, — прорычал он. — Ты приносишь беду. У тебя глаза, как у мёртвой рыбы. Ты не мой сын.

Я не плакал. Я смотрел на Ларкуса, который тайком улыбнулся мне, подмигнул и показал язык, когда отец отвернулся. Он был идеальным актёром. А я был козлом отпущения.

После того случая мать начала запира́ть меня в комнате по вечерам. Она не смотрела мне в глаза. Бабушка умерла в ту зиму, и перед смертью она прошептала мне на ухо:

— Твой брат не от мира сего. Он служит тому, чьё имя нельзя произносить. Ты должен быть сильным. Когда придёт время, ты узнаешь, кто ты.

Она оставила мне маленький амулет из корня ольхи, покрытый странными рунами. Я спрятал его под рубашкой. Он был холодным, но ночью, когда мне снились кошмары, он нагревался, будто живой.

Ларкус находил мои тайники. Он приходил, когда я спал, и шептал мне в ухо те же слова, что я услышал в подвале: «Не сдавайся. Ещё не время». Я просыпался в холодном поту, но рядом никого не было. В окно, на ветке старого клёна, я иногда видел золотистую искру — ту самую, что я называл Искрой. Она мигала мне. Она знала. Я не был один. Но я был так одинок в своём знании.

В одиннадцать лет меня отправили в интернат «Солнце» в соседнем городе. Родители сказали, что я слишком сложный, что я пугаю Стенку и Ларкуса, что им нужен покой. Когда машина отъезжала от дома, я смотрел в окно и видел Ларкуса, стоящего на пороге. Он улыбался своей солнечной улыбкой и махал мне рукой. Но в его глазах я читал торжество. Он избавился от меня. Он остался один на один с родителями, с их любовью, с их доверием.

А я уезжал в холод, в чужие стены, в мир, где меня будут ломать заново.

В интернате меня быстро сломали. Не кулаками — хотя и их хватало. Хуже. Там научили, что любовь — это роскошь, которую нужно заслужить. А я не умел заслуживать. Я умел только терпеть.

В интернате «Солнце» было своё расписание: подъём, завтрак, побои, обед, побои, ужин, отбой. Я быстро научился читать лица воспитателей. Толстая нянечка Галина с родинкой на подбородке любила щипать за уши, приговаривая: «Что вылупился, зыркало?» А худая, вечно кашляющая Мария Петровна, которая выдавала нам постельное бельё раз в неделю, как-то застала меня в коридоре после комендантского часа.

— Стоять, шкет! — прошипела она, хватая меня за худое плечо. Её пальцы, костлявые и сухие, впились в кожу. — Ты чего шастаешь? Или решил, что здесь дом родной?

Я молчал. Я всегда молчал. Знал, что если открою рот, будет только хуже.

— Язык проглотил? — она наклонилась ко мне, и я почувствовал запах старого табака и дешёвых духов. — Воспитанный мальчик должен отвечать, когда его спрашивают. Или мама с папой не научили?

При упоминании родителей у меня внутри что-то сжалось, но я снова промолчал, опустив глаза в пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.